

Сергей Плохий

ЧЕЛОВЕК, СТРЕЛЯВШИЙ ЯДОМ

История одного шпиона
времен холодной войны

Перевод с английского
Сергея Лунина

издательство АСТ
Москва

Предисловие

Осенью 1961 года американские и советские танки держали друг друга на прицеле у КПП “Чарли” на границе восточного и западного Берлина у строящейся стены, Дэвид Корнуэлл, агент британской разведки и в скором будущем прославленный автор Джон ле Карре, обдумывал свой первый бестселлер “Шпион, пришедший с холода”, а полиция Западной Германии допрашивала агента КГБ.

Поджарый тридцатилетний мужчина предъявил документы ГДР на имя Йозефа Леманна, но при этом дал такие показания: его зовут Богдан Сташинский, он гражданин СССР, в одиночку выследил и убил в Мюнхене двух человек. Это были лидеры украинской эмиграции, боровшиеся за независимость своей родины. Советский агент использовал новейшую секретную разработку — пистолет, который брызгал жертве в лицо жидким ядом и не оставлял никаких следов. Немалая часть карьеры Никиты Хрущева прошла на Украине, поэтому советский вождь числил этих людей среди личных врагов, а КГБ упорно пытался их ликвидировать. Яд из пистолета Сташинского поставил точку в их биографии.

Слова человека, уличившего кремлевских руководителей в организации политических убийств за рубежом, про-

гремели на весь мир, потрясли дипломатические круги и озадачили сотрудников специальных служб. Дело Сташинского вынудило Советский Союз переменить тактику секретной войны. Агенты внешней разведки теперь опасались ликвидировать врагов режима. Пострадал от него и Александр Шелепин — председатель КГБ, мечтавший сменить Хрущева, а затем и Брежнева у руля страны. В Западной Германии приговор убийце повлиял на процессы над преступниками Третьего рейха. Приводя в пример Сташинского, обвиняемые утверждали, что они — лишь пособники, а подлинными палачами были командиры, которые отдавали им приказы. Бундестаг в итоге внес поправки в закон и отнял у бывших гитлеровцев возможность опоры на этот прецедент.

В Соединенных Штатах за дело перебежчика взялся сенатский подкомитет. Сообщенные им сведения учла и комиссия Уоррена в ходе расследования убийства Джона Кеннеди. Многие любители конспирологии до сих пор верят, что КГБ тренировал Ли Харви Освальда в той же школе, что и Богдана Сташинского.

Биография стрелка захватила воображение западного мира. Пространная статья о нем вышла в журнале *Life*, очерк о его похождениях много раз переиздавали как раздел “Великих шпионских историй” Аллена Даллеса, бывшего директора ЦРУ. В последнем романе Яна Флеминга — “Человек с золотым пистолетом” — Джеймс Бонд, которому в КГБ промыли мозги, пытается прикончить шефа из заряженного цианидом оружия. Ту же фабулу не раз использовали для радио- и телепередач по всему миру. Сташинскому посвящено множество книг и документальных фильмов, самое меньшее два романа, две пьесы и один игровой фильм.

Сорок лет КГБ отрицал свою роль в этих убийствах, а сотрудники ЦРУ ломали головы: не лжет ли этот перебежчик? И сегодня в печати кое-кто изображает Сташинского таким камикадзе — ему, мол, в Москве дали задание оговорить себя

и отвести подозрения от более ценного агента, настоящего убийцы. Благодаря новым источникам, еще недавно недоступным, в этой книге опровергаются многие прежние гипотезы и слухи о деле Сташинского. Здесь оно предстает в контексте холодной войны — ожесточенной битвы идеологий и культур Востока и Запада, — а также удушливой обстановки, навязанной сталинским режимом тем народам, что оказались восточнее железного занавеса.

Главным источником сведений о Богдане Сташинском, его преступлении и его наказании служит стенограмма суда в Карлсруэ в октябре 1962 года. Теперь ее можно дополнить материалами недавно рассекреченных дел ЦРУ, КГБ и польских спецслужб, а также интервью и мемуарами бывших чекистов. Изучение кладбищенских книг в берлинском пригороде подтвердило некоторые показания перебежчика, а моя беседа с начальником полиции ЮАР в отставке приоткрыла тайну переезда агента-убийцы в эту страну. Не исключено, что Сташинский до сих пор живет в Южной Африке — всегда начеку.

Глава 1

Вызов к Сталину

Хрущев, лысый, полный и на диво энергичный будущий вождь Советского Союза, произносил с трибуны очередную речь, когда ему доставили записку с просьбой незамедлительно позвонить в Москву.

На календаре было 1 декабря 1949 года. Никита Сергеевич, тогда еще первый секретарь компартии Украины, обращался к преподавателям и студентам Львова. Эту часть республики СССР отобрал в 1939 году у Польши, согласно пакту Молотова — Риббентропа. Недолговечный альянс кончился вторжением немцев в июне 1941 года, но в июле 1944-го их прогнали на запад. С тех пор коммунисты тщетно принуждали местных украинцев к примирению с новой властью — те мечтали о независимости. За несколько недель до речи Хрущева инсургенты-националисты прогремели на всю страну — убили Ярослава Галана, писателя-коммуниста и одного из рьяных пропагандистов режима. Первый секретарь прибыл во Львов, чтобы возглавить охоту на убийц и лично контролировать ход расследования. Один из преступников оказался студентом, и вот теперь Хрущев наставлял преподавателей и студентов-активистов.

Приказ связаться с Москвой застал его врасплох. Он завершил речь, призвал студентов не терпеть крамолы в своих

рядах и тщательно искать бандеровцев. Затем уехал и позволил в Кремль. Трубку взял Маленков, в то время — правая рука Сталина. От него зависело, кого снимут с должности, а кого назначат. Хрущеву было велено явиться в Москву — вылететь завтра утром. Позднее он признавался, что его переполняли самые мрачные предчувствия¹.

Тремя годами раньше, в марте 1947 года, Сталин лишил его должности первого секретаря ЦК компартии Украины, оставив менее значимую — председателя Совета министров. Так он поплатился за настойчивые просьбы о помощи УССР во время голода 1946–1947 годов. Причиной голода стали требования вождя выполнить завышенные нормы хлебозаготовок. Раздраженный Хрущевым, Сталин заменил его на Кагановича — одного из виновников Голодомора 1932–1933 годов, унесшего жизни около четырех миллионов жителей Украины. После понижения в должности бывший первый секретарь стал безжалостно выкачивать зерно из истощенных крестьян. На этот раз республика потеряла около миллиона человек. В конце 1947 года Кагановичу пришлось освободить кабинет — туда вернулся старый хозяин².

Но чего Сталин хотел теперь? Не разгневала ли его смерть Галана? Не решил ли он, что Хрущев не в силах прекратить партизанскую войну на западе Украины? Партизан все звали бандеровцами — по имени лидера “революционного” (радикального) крыла Организации украинских националистов. В мемуарах Хрущев пишет, что впервые услышал о Степане Бандере в 1939 году. Тогда, уже на посту первого секретаря ЦК КП(б)У, он возглавлял процесс растворения Западной Украины в Украинской ССР. Бандера же сидел в тюрьме, осужденный за участие в ликвидации польского министра внутренних дел в 1934 году. Разгром Польши нацистами позволил ему выйти на свободу и незаметно покинуть занятую Красной армией территорию. Хрущев признавал:

Тогда его действия нам импонировали — он выступил против министра внутренних дел в реакционном Польском государстве <...> Но так как эти акции были произведены группами, которые не были друзьями Советского Союза, а были его противниками, националистами, ненавидевшими советский строй, то надо было бы это учесть.

Когда Сталин делил с Гитлером Восточную Европу — забирая, согласно упомянутому пакту, “восточные кресы” Польши (Западную Украину и Западную Беларусь), Прибалтику, Бессарабию и Северную Буковину, — Бандера взбунтовался против старых руководителей ОУН и предложил Третьему рейху услуги своей фракции. Советско-германский альянс был недолговечен. 22 июня 1941 года вермахт перешел границу и отбросил Красную армию на восток. Через неделю, 30 июня, Бандера и его соратники, провозгласили во Львове независимость Украины.

Но Германии ни к чему было новое государство на этой земле. Гитлер хотел заполучить “лебенсраум” — очищенную от местного населения территорию для немецкой колонизации. Гестапо схватило Бандеру и компанию, потребовав отозвать декларацию независимости. Вождь ОУН(р) отказался и провел большую часть войны в Заксенхаузене. Два его брата погибли в Освенциме. Хрущев пишет:

Когда Бандера увидел, что немцы и не думают выполнять данные ему обещания об образовании независимой Украины, он повернул против них свои отряды, но при этом не перестал ненавидеть Советский Союз. Под конец войны он сражался и против нас, и против немцев³.

К 1944 году украинские националисты сформировали стотысячное войско. Называлось оно Украинской повстанческой армией, а в обиходе — просто бандеровцами. Хрущев вспо-

минал: “Отбросив немцев на запад, мы встретили старого врага — украинских националистов”. По его словам, те создавали собственные партизанские отряды. После освобождения из концлагеря Бандера уехал в Австрию. Командиры повстанцев на западе Украины едва поддерживали с ним контакт, но имя символического вождя по-прежнему гремело. Если в УПА — значит, бандеровец. Все светлые и темные стороны партизанской войны записывали на его счет: самопожертвование юношей и девушек, не щадивших себя ради освобождения отчизны, убийство тысяч мирных поляков, коллаборационизм отдельных бандеровцев с палачами из зондеркоманд, расправы над “пособниками” режима, вроде Ярослава Галана⁴.

На борьбу с боевиками бросили десятки тысяч солдат Советской армии, множество подразделений НКВД и сформированные на местах отряды ополчения. По официальным, откровенно завышенным, советским данным, лишь в 1944–1946 годах бандеровцы потеряли свыше ста тысяч убитыми и еще четверть миллиона пленными. Из районов боевых действий в Сибирь и Казахстан депортировали сотни тысяч мирных жителей. Руководство УПА, имея в своем распоряжении теперь лишь пять тысяч партизан, перешло к тактике мелких уколов: налеты на низовые учреждения и небольшие подразделения, индивидуальный террор против представителей власти и местных “предателей”. Повстанцы понимали, что силы слишком неравны для открытого боя. Шанс увидеть независимую Украину, да и просто выжить, дала бы только новая мировая война — на этот раз между США и СССР.

Медленно, но неотвратно удары органов госбезопасности и террор против местного населения сводили сопротивление на нет. К 1948 году УПА ослабла настолько, что режим начал на Западной Украине коллективизацию сельского хозяйства, без которой не мыслил программу “социалистических преобразований”. Агенты МГБ проникли в десятки повстанческих отрядов. Среди прочего им поручили отследить

линии связи между местными боевиками и эмигрантами-бандеровцами, чей штаб располагался в Мюнхене, в зоне американской оккупации. Тем не менее советские спецслужбы не могли добраться до руководства УПА или предотвратить убийство того же Галана⁵.

Хрущев знал писателя лично. В 1946 году Галан представлял прессу УССР в Нюрнберге, на суде над военными преступниками. Там он потребовал у американской оккупационной администрации выдать Бандеру, а вернувшись домой, неустанно поносил в памфлетах националистов и грекокатолическую церковь. Советский Союз неумолимо искоренял политическое, религиозное и культурное влияние Римской курии в Восточной Европе. Избежавших ареста иерархов и священников вынудили пристать к русскому православию, католики же, твердые в вере, ушли в подполье. Язвительные нападки Галана на церковь заметили в Ватикане, и в июле 1949 года Пий XII отлучил публициста от причастия. Тот ответил новым текстом: “Плюю на папу”. По распространенному мнению, это стало его смертным приговором — партизаны были самой преданной паствой гонимого грекокатолического духовенства⁶.

Хрущеву немедленно доложили об убийстве. Он позвонил в Москву и передал новости из Львова, которые никак не порадовали стареющего и все более подозрительного диктатора. Судьба Галана стала для него холодным душем: через пять лет после очередной инкорпорации Западной Украины и через четыре года после падения Рейхстага украинские “бандиты” всё так же давали бой победоносной Советской армии. И не где-то на окраине соцлагеря, а в самой сердцевине — в пределах Советского Союза. Генералиссимус послал туда отборные кадры. Их предупредили, что “товарищ Сталин крайне неудовлетворен работой органов безопасности по борьбе с бандитизмом на Западной Украине”. Вождь приказал найти исполнителей и разгромить оставшееся подполье⁷.

Хрущев понимал, что на кону стоит его карьера. Он не только сам прибыл во Львов и взял следствие под личный контроль, но и привез всевозможных помощников из органов и компартии: министра внутренних дел УССР, секретарей ЦК КП(б)У и даже первого секретаря украинского комсомола. Хрущев велел превратить Львов и всю Западную Украину в укрепрайон. По некоторым сведениям, чтобы перекрыть приток новых сил в УПА, он готовился выслать всех молодых людей на шахты Донбасса или в фабрично-заводские училища на востоке Украины. А также ограничить передвижение местных жителей — регион в таком случае стал бы огромным концлагерем вне пределов законодательного поля СССР. Профессионалы с Лубянки отговорили первого секретаря от этой идеи, заявив, что в таком случае молодежь наверняка уйдет в леса и вольется в ряды бандитов⁸.

После звонка из Кремля Хрущев отложил выполнение своих планов и срочно улетел в Москву. В мемуарах он признавался: “Ехал я и не знал, зачем еду, куда и в каком положении буду возвращаться”. Поездка оказалась одним из важнейших событий его жизни. Никиту Сергеевича не арестовали и даже не отчитали, напротив — он получил повышение. Престарелый тиран решил, что такой человек нужен ему в Москве. Он поставил Хрущева во главе столичной парторганизации, дав задание искать внутренних врагов. Сталин чистил кадры от подлинных и мнимых членов “ленинградской группы”, заподозренных в попытке создать отдельную Российскую коммунистическую партию. Такое развитие событий могло бы подорвать единство ВКП(б) и пошатнуть власть генсека. Хрущев, многолетний лидер компартии Украины, выглядел отличным кандидатом на роль борца с зарождавшимся русским национализмом как угрозой империи.

Само собой, он испытал огромное облегчение. “Отношение ко мне там очень хорошее, и я благодарен всем людям, которые меня окружали и помогали мне в руковод-

стве на Украине”, — сказал он Сталину. Но тут же признал, что охотно вернется в Москву. Хрущев получил позволение уехать обратно в Киев и довести срочные дела до конца, так чтобы явиться на семидесятилетие вождя — его должны были пышно отпраздновать 21 декабря. В этот день Сталин усадил Хрущева рядом с собой. По другую руку сидел Мао Цзэдун.

Никита Сергеевич семимильными шагами приближался к вершине советской власти — но так и не забыл испуга после внезапного вызова в Москву. И винил в этом человека, которого считал вдохновителем восстания на западе Украины, — Степана Бандеру⁹.